

ДОБРЫЙ САТИРИК

Если у человека есть хоть малая толика юмора, если ему не чуждо острое слово, — он знает и любит Аркадия Райкина. И обязательно вспомнит что-нибудь «райкинское» — на работе, в дороге, дома.

Сегодня Аркадию Исааковичу шестьдесят лет. Шестьдесят! Чему-то — предел, чего-то — итог, чему-то — начало. А может быть, золотая середина? Ступенька, с которой дальше смотрится, больше видится?

Пожалуй, да. И, наверное, потому так охотно и подробно, с живейшим интересом к самому предмету разговора говорит сегодня артист об искусстве сатиры, о природе смешного, о гражданских позициях театра, который он возглавляет:

— Главное для сатирика — его платформа, та нравственная основа, на которой рождается замысел выступления. Если сатира служит добру, если она не только обличает, но и защищает что-то (а для сатирика, как и для каждого, есть нечто святое, незыблемое), то такая сатира будет служить народу, будет нужна ему и полезна.

Сатирик же, который высмеивает что-то потому, что у него больная печень, — это не сатирик, это человек, который просто не знает, как излить свою злость. И то, что он говорит или показывает, это не сатира, это — брызжание.

Сатирик — добрый человек, и смех его служит добру. Он, если хотите, пропагандист высокой морали, который глубоко убежден, что отрицательным явлениям нет места в нашей жизни.

— Как вы относитесь к высказыванию Герцена о том, что смех всегда революционен?

— Я разделяю эту мысль, целиком согласен с нею, и надеюсь, что утверждаю ее со сцены. Смех революционен потому, что он борется за правду, служит добру. Смех — оружие, мощное, нестареющее. Он воевал, как воевало слово. Я видел это на фронте. Мы выступали и в Ленинграде, и в Мурманске, и на других фронтах.

— Сатирик, — замечает Аркадий Исаакович, — должен видеть очень много хорошего, постоянно ездить по стране, бывать на наших стройках, на заводах, в колхозах; знакомиться с замечательными людьми и с их достижениями. В хорошем, как ни странно это звучит, черпается гнев к плохому, к тому, чего не должно быть в нашей жизни.

Зрители и слушатели часто пишут нам, подсказывают темы сатирических миниатюр, становятся авторами, рассказывают о своих судьбах, просят вмешаться.

И получается, что деятельность театра не ограничивается тем, что мы о чем-то вешаем со сцены. Часто приходится брать, как говорится, ноги в руки, и в качестве ходатая посещать всевозможные организации: и про-

кратуру, и редакции газет, и другие советские учреждения, где наш корреспондент не был удовлетворен...

Итак, еще одна роль театра и его руководителя — в общем-то совсем не театральная. Театр — не газета, не журнал «Крокодил», куда можно обратиться за поддержкой, с жалобой. Нужна ли театру такая функция — бороться со злом не только на сцене, но и в жизни? Может быть, достаточно поставить проблему публицистично и остро в спектакле? Ведь уже сейчас театр, наверное, готов показать концертную программу, назвав ее, как привычную газетную рубрику: «По следам наших выступлений»...

К иной острой проблеме приходится возвращаться не раз и не два, создавая общественное мнение, обстановку нетерпимости вокруг недостатка в нашей действительности. И вот уже появляется решение или постановление, которое исправляет положение... Разве это не радостно?

Я рад, когда смеется зритель. Недавно наш театр был в Петрозаводске. Декада ленинградского искусства продолжалась там по просьбе жителей этого города не десять, а тридцать дней. Мы выступали не только в театрах и клубах, но и прямо в цехе бывшего пушечного, ныне Онежского тракторного завода.

Наш театр хорошо принят и у зарубежного зрителя.

За границу мы едем прежде всего для установления творческих контактов. Спектакли мы играем, как правило, на языке той страны, куда нас пригласили. Когда мы на гастролях, например, в Венгрии, говорим по-венгерски, то зрители понимают, что мы это делаем специально для них, ведь ни в одной другой стране мира не говорят на их языке. Значит, приходят они к выводу, в Советском Союзе очень уважают их народ, если три разных спектакля артисты театра подготовили на венгерском языке.

«Смеяться вовсе не грешно над тем, что подлинно смешно» — эта истина, по-моему, звучит одинаково в любой стране. И это хорошо понимается и в двадцать, и в шестьдесят лет...

В. СЕРГЕЕВ.
(Наш корр.).